

Тюркские народы Сибири

Ответственные редакторы:
Д. А. ФУНК, Н. А. ТОМИЛОВ

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

МОСКВА
НАУКА
2006

СРЕДА ОБИТАНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

География региона. Территория Республики Хакасия занимает западную часть Минусинской котловины и равняется 62 тыс. км². Она вытянута с севера на юг на 425 км, при ширине в наибольшей части 210 км. Эта площадь с юга ограничивается горным хребтом Западных Саян, с запада – Кузнецким Алатау. С восточной стороны Хакасию окаймляет р. Енисей, а по северу проходит Солгонский кряж, отделяющий районы Красноярского края.

В Хакасии выделяются три климатические зоны: степная, лесостепная и таежная. Степная зона охватывает территорию Минусинской котловины с абсолютными высотами до 500–600 м, составляя треть пространства Хакасии, здесь находилась основная часть всех аалов. Степная зона являлась базой для развития скотоводческого хозяйства. Зона характеризуется континентальным и засушливым климатом: в среднем количество осадков – 250–350 мм. Особенно мало осадков выпадает зимой (около 10%). Поэтому зимы в степной зоне малоснежны. Кроме того, постоянно дующие ветра уносят и этот небольшой снежный покров. Скот круглый год пасется на подножном корму. Северный холодный ветер, проникающий зимой в долину Среднего Енисея, называется по-хакасски “хьян”. От пронизывающего насквозь “хьяна” часто погибал слабый скот. Зимой сухой и очень морозный воздух – “тот” – обжигал кожу лица и рук. От “тота” голые, не покрытые снегом участки степи сильно промерзают и становятся твердыми, как камень. Такие места по-хакасски назывались “тондах”. Тондахы были опасны для неподкованных лошадей, которые на них повреждали себе ноги.

Летом в степях стоит жаркая, сравнительно маловетренная погода, от которой травы выгорают. Недостаточная увлажненность степей, особенно в вегетационный период, требует применения искусственного орошения покосов и пашен.

Лесостепная зона расположена в предгорьях Саян и Кузнецкого Алатау на высоте 600–800 м над уровнем моря. Она характеризуется умеренно-континентальным и более увлажненным (350–450 мм осадков) климатом. Зима здесь теплее, а лето холоднее. Весна наступает позже, чем в степях. В конце лета – начале осени бывают ранние заморозки. Лесостепная зона – это район древнего земледелия. Достаточная влажность не требовала тут дополнительного орошения, а черноземные почвы меньше подвержены ветровой эрозии.

Таежная зона охватывает обширные горные массивы Саян и Кузнецкого Алатау, расположенные выше 800 м над уровнем моря. Здесь холодный климат, большая влажность (1000 мм осадков). Зона тайги являлась лесным фондом и, главное, базой для развития охотничьего промысла.

Следует сказать, что суровый климат Саяно-Алтая естественно повлиял на склад характера местных жителей. Хакасские мужчины сдержаны, выносливы и немногословны. Не зря бытует среди них пословица: “Внутри мужчины гниет оседланный конь, готовый к бегу”.

В Хакасии насчитывается более 150 рек. Через Минусинскую котловину протекает одна из великих рек мира – Енисей, именуемая по-хакасски “Ким” (Кем). Последний гидроним известен по письменным источникам начиная с VI в. н.э. В отличие от Тувы, где термин “хем” употребляется в широком значении “река”, в Хакасии под словом “Ким” понимается только Енисей. На протяжении 300 км он окаймляет территорию Хакасии, принимая в себя на этом отрезке пути крупный левый приток – р. Абакан – длиной 450 км. Абакан (по-хакасски “Абыган, Агбан”) –

самый крупный левый приток Енисея. В китайских летописях имеется сообщение, что кыргызы в VI в. н.э. основали свое государство “между реками Афу и Гянь”, т.е. Абаканом и Енисеем (Материалы по истории кыргызов..., 1973). Правым крупным притоком Енисея на территории Минусинской котловины служит р. Туба, называемая по-хакасски “Упсу”. В русских документах XVII в. она упоминалась как Упса. Современное русское название происходит от этнонима “туба”. В долине этой реки обитало племя тубинцев. Топоним “Упсу” впервые зафиксирован в письменных источниках XIII столетия.

На севере протекает р. Чулым, образовавшаяся из слияний Черного (160 км) и Белого (150 км) Июсов. Река Чулым по-хакасски называется “Уус”. Этот гидроним происходит от древнетюркского слова “Угүз” – река. В Хакасии берет начало р. Томь (по-хакасски “том”), имя которой восходит к кетскому “том” – большая река.

Хакасия – часть Саяно-Алтайского нагорья, поэтому хакасы считают себя “горным народом”. Согласно мифическим представлениям, их далекий предок женился на дочери горного хозяина – “таг ээз!”, от брака которых и произошел местный люд.

С древнейших времен Хакасия связана караванными путями с Монголией, Китаем, Тибетом и Средней Азией. В эпоху Кыргызского каганата существовала кыргызская ветвь Великого шелкового пути. Через Саянские хребты шли дороги, соединяющие с соседней Тувой. Одной из древнейших следует считать дорогу по долине р. Оне (по-хакасски “Аны суг”). Этот путь упоминался еще в древнетюркских рунических памятниках VII–VIII вв. Например, в 711 г. через Саяны по р. Аны прошла армия древних тюрков под командованием Тоньюкука (Малов, 1951. С. 41).

Кузнецкий Алатау по-хакасски называется “Улгенн!г сын”, т.е. Великий хребет. Согласно народным представлениям, он, не прерываясь, опоясывает всю землю, проходя с севера на юг, как водораздел между Енисеем и Обью, затем на юге сливается с Алтаем, Тянь-Шанем и Тибетом. Саянский хребет (“Саянский Камень”) получил свое русское наименование в XVII в., когда Россия вступила в контакт с народами Южной Сибири. Ороним восходит к хакасскому термину “соян” – “тувинец” и в переводе обозначает “Тувинские горы”.

В памятниках древнетюркской письменности и арабо-персидских источниках X–XI вв. Саяны назывались “Көгмен” (Малов, 1951. С. 66). Данный топоним до сих пор сохранился в форме “Көйпен” (звуки “м” и “п” обычно чередуются в хакасском языке). На древнем пути из Тувы в Хакасию (через Саяны по р. Аны) в верховьях р. Джебаша находится снежный пик “Көйпен тасхыл”. Сохранившийся в народной памяти древнетюркский топоним Көйпен < Көгмен свидетельствует о культурной преемственности хакасов с прежними обитателями Саяно-Алтая.

Традиционные хозяйственные занятия. Традиционным занятием хакасов было скотоводство полукочевое типа, максимально приспособленное к местным природным условиям. Скотоводческое направление хозяйства в долине Среднего Енисея установилось уже в эпоху средневековья. В 1253 г. Вильгельм де Рубрук сообщал, что к северу от монголов “также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы (т.е. кыргызы. – В.Б.)”.

Минусинская котловина являлась одним из древнейших скотоводческих очагов Сибири. Основными видами стада здесь были лошади, крупный рогатый скот и овцы. Поэтому хакасы называли себя трехстадным народом. Лошади использовались как убойный скот на мясо и как средство передвижения. Кроме того, от них получали молочные продукты. Кобылиц доили три раза в день с подпуском жеребят, которых привязывали рядом к специальной коновязи “чиле”. В больших кожаных сосудах “пулхунчах” заквашивали кумыс.

Наличие табунов свидетельствовало о зажиточности хозяина и поднимало его престиж среди скотоводов. Многие байские фамилии предпочитали разводить ко-

ней определенной масти. В хакасском языке имеется до 90 названий различных оттенков мастей лошади*, что говорит о древности коневодства.

Табуны паслись круглый год в степи и в горах на подножном корму. Лошади ходили косяками, охраняемые жеребцом. Средний косяк состоял из одного жеребца и 20–30 кобыл с жеребятами. Лошади уходили за 10–50 км от аала, где вольно паслись на своих отдаленных пастбищах. Зимой табуны укрывались в малоснежных горах.

Во время снежной зимы лошади способны копытить и доставать корм из-под снега глубиной до полуметра. Большой урон хозяйству приносили ранние весенние оттепели, после которых земля покрывалась ледяной коркой. В период весенней гололедицы (*үлег!н*) лошади страдали от недостатка подножного корма. К весне скот настолько ослабевал, что не в силах был тебеневать. Истощенный за зиму скот назывался “көд!рткен мал”, т.е. “скот, который надо поднимать”. Хакасский обычай требовал, чтобы каждый проходящий мимо обессиленного животного дал ему корм и помог подняться.

Во второй половине XIX в. рабочих лошадей стали держать на скотных дворах. Для того чтобы прокормить коня, надо было заготовить один стог (*улам*) из 50 копен по 5 пудов каждая. Обессиленную рабочую лошадь летом отпускали в степь отдохнуть и нагулять жир. Такая форма отгула называлась “хур”. Отпущенный в степь конь “хур ат” за лето полностью поправлялся. Осенью его уже употребляли в работу. Рабочие лошади использовались под верховую езду и для гужевого транспорта.

Крупный рогатый скот сдавали под присмотр пастухов. Однако зимой его держали во дворах и по возможности пускали кормиться на аальный выпас “аал сагы”, а на ночь загоняли в крытый хлев. В течение зимнего сезона на одну корову требовался стог сена в 30 копен по 5 пудов каждая. В зимниках для дойного скота, устраивали теплые хлева (*!нек хазаазы*), молодняк и яловый скот держали в полукрытых сараях (*сеер*), а для телят делали обмазанную кизяком клетушку (*кирпе*). Весной, когда еще не появилась зелень, коров выводили пастись на прошлогоднюю отаву (*ниге*), а осенью выгоняли на острова кормиться сухой травой (*хоот*).

Для коров в хлеву насыпали подстилку “чадын” из прошлогоднего сушеного навоза. Зимой, при чистке скотных дворов весь кизяк сгребали во дворах в кучу, а летом перекапывали и боронили. Когда навоз перегорит и станет сухим, его рассыпали в коровниках. Дойный скот давал основное летнее пропитание. Из молочных продуктов хакасы могли приготовить до 40 различных видов блюд.

Доение осуществлялось подсосным способом. Для телят на летниках делали специальные привязи *чиле*. Аркан длиной в 6–10 м привязывали с двух сторон к кольям. От него отходили постромки (*чыхта*), к которым за ошейник (*мончар*) цеплялись телята. Вечером телят подпускали к коровам. Как только корова отпускала молоко, их за ошейник привязывали к чиле. Если погибал теленок, то из его шкуры делали чучело (*тулун*), которое при дойке ставилось перед коровой. Последняя облизывала его, принимая за живого, и давала молоко.

Лошади и коровы относились к крупному скоту (*чоон мал*). Если крупный скот достигал количества 100 голов, то в разговоре употребляли выражение “множество скота”. Их хозяин уже считался баем.

Местная порода овец с плотной шкурой и жесткой шерстью была хорошо приспособлена к суровым зимним условиям Хакасии. Отары овец круглый год держались на подножном корму. Баи нанимали для себя чабанов на весь год. Каждая отара, сдаваемая чабану, насчитывала до 1 тыс. голов. Мелкие хозяева одного аала

* В тюркских языках лингвистами выделены 39 терминов для обозначения цвета, большая часть из которых могла применяться также и для определения масти коня: из них “общие цветовые обозначения” (15 терминов), “кони и другие животные” (12) и “специальные цвета коней” (см.: *Doerfer*, 1995). – *Примеч. отв. ред.*

объединялись в коллектив по совместному выпасу овец, где соблюдалось правило очередности (*теес*). Каждый хозяин ставил свои знаки собственности – метки (*ин*) на ушах овец. Хакасами была выработана специальная терминология, насчитывающая более 15 названий различных меток. Мелкий рогатый скот давал хакасу мясо, кожи и шерсть.

Общая численность скота в Хакасии определялась на 1917 г. в 461 827 голов. По всей Восточной Сибири не было ни одного р-на с таким же развитым скотоводством.

В XVIII–XIX вв. значительное место в хозяйстве хакасов занимала охота. Это была мужская профессия. Женщинам не разрешалось прикасаться к оружию. Юношей приучали к охоте с 15 лет, когда мужчина, как считалось, достигал совершеннолетия. Первый промысел пушных зверей начинался с сентября–октября. Осенью выезжали в тайгу на лошадях и с собаками-лайками (*пагырчан адай*). Лайка выслеживала белок, загоняла их на дерево и лаем сообщала хозяину о добыче.

В конце ноября, после выпадения глубоких снегов, охотники возвращались домой. В это время они уплачивали албан за вторую половину года. После уплаты ясак родовые князцы выдавали им боеприпасы: по килограмму пороха, свинца и т.д. В конце декабря – начале января охотники выходили в тайгу на второй сезон, который длился до конца апреля. Они отправлялись без коня и без собак, на лыжах и тянули за собой нарты (*санах*) с провизией. На одни нарты укладывали до шести пудов груза (в основном продукты). Лыжи были подбиты камусом, поэтому при подъеме в гору они не скользили назад. На них развивали большую скорость и могли догнать бегущего по снегу марала.

Таежничать уходили обычно артелями (*аргыс*) по четыре-пять человек. Жили в одном балагане (*одаг*). Запас продовольствия был общий, но порох и свинец у каждого свой. Согласно обычному праву, всю добычу артели после охоты делили между собой поровну (*тин үлес*).

Руководил артелью опытный охотник, называемый *одаг пазы*. По его имени назывался весь участок. Он, как самый старший, спал в почетном углу (*тйр*) балагана. В обязанности одаг пазы входило следить за порядком и дисциплиной в артели, получать от охотников всю дневную добычу, устраивать по случаю крупных успехов угощение (*той*). Он отвечал за приготовление пищи. Утром и вечером члены артели питались из общего котла в балагане. На сутки охотник получал в паек один “хурут” (сырцы в виде лепешечки). Собакам для легкого бега давали по утрам один “тохчач” (колобок из талкана с маслом). После охоты одаг пазы приглашал всех членов артели к себе и делал угощение.

По представлению хакасов, таежные звери были якобы скотом “горных хозяев”. Охотники обязательно по вечерам в балагане играли на *хомысе* (музыкальном инструменте) и рассказывали сказки. “Горные хозяева” любили слушать музыку и за доставленное удовольствие посылали охотникам добычу. В тайге нельзя было излишне радоваться удаче, жаловаться на свою участь, называть вещи своими именами. Каждый убитый соболь торжественно отмечался всей артелью. Делалось угощение “албагы тойы”. Сто белок по цене равнялись одному соболю. Поэтому когда охотник набивал сотню белок, отмечался подобный же праздник под названием “тунчух тойы” – праздник одной связки. В одной связке насчитывалось 100 белок. Лапки от шкурок белок и соболей обычно отрезались. Из них делались меховые опушки “хума” для полы шуб. Например, для отделки одной полы шубы уходило не менее 300 беличьих лапок.

Охотились хакасы кремневыми ружьями (*отыхтыг мылтых*). Заряжались они со ствола. Произведя выстрел, охотники снова отсыпали мерку пороха, забивали пыжи и пули. Поэтому каждый охотник имел снаряжение из мерки для пороха (*ирелдей*), натруски (*таар мүүз!*), формочки для выплавки пуль (*халын*) и т.д. Вплоть до XIX в. пользовались наряду с ружьями еще и луком со стрелами.

Хакасы знали до 30 различных видов капканов и приспособлений для ловли зверей и птиц. На соболя охотились с сетью *ч/п*, длина которой достигала 80 м, а ширина – примерно 1,8 м. Охотник по свежему следу находил укрытие соболя (обычно каменные россыпи или валежник) и раскидывал вокруг сеть. Затем зверька выкуривали дымом или ждали, когда он сам выскочит. Запугавшегося в сети соболя убивали тяжелой лыжной палкой. Таким способом за сезон добывали в среднем три-пять зверьков. В конце XIX в. стали применять железные капканы, которые увеличили улов соболей в несколько раз. Капканы ставились в снегу под свежий след. Соболю, пробежав в одну сторону, обязательно возвращался след в след. Опытный охотник ставил по нескольку десятков капканов, а потом ежедневно по “путику” ездил их проверять. Кроме того, на соболя ставили специальные плашки – “тахпай”. Приманкой служила тушка белки.

В XVIII в. в Хакасии водились бобры (*хундус*). Хакасы специально следили за ними и разводили бобровые гнезда. Один бобр равнялся по цене трем соболям. Не менее ценным считался мех выдры (*хамнос*). Одна выдра стоила 20 овец или соболя. Выдр и бобров ловили специальными сетями “пара” в виде длинных и узких вен-терей с широкой горловиной. Лучшие выдры считались по р. Оне в верховьях р. Абакана. Одежда из шкур соболя, бобра и выдры была только байским достоянием. Их шкурами платили ясак (*албан*) и калым.

Для ловли диких коз на тропинках зверей (*орых*) вырывали специальные ямы (*күрун*) или устанавливали самострелы (*ая*). Один охотник мог ставить до 150 самострелов. В июне, когда расцветал дикий пион, коз били, призывая манком *сымысхы*. Звук манка подражал голосу детеныша. Заслышав его, самка выбегала к охотнику. Осенью, как только желтела листва на деревьях, на горных переходах устраивались засады (*сах*). Несколько человек загонщиков шли в обход и своим шумом гнали коз в сторону охотников. Добыча делилась поровну между стрелыцами и загонщиками.

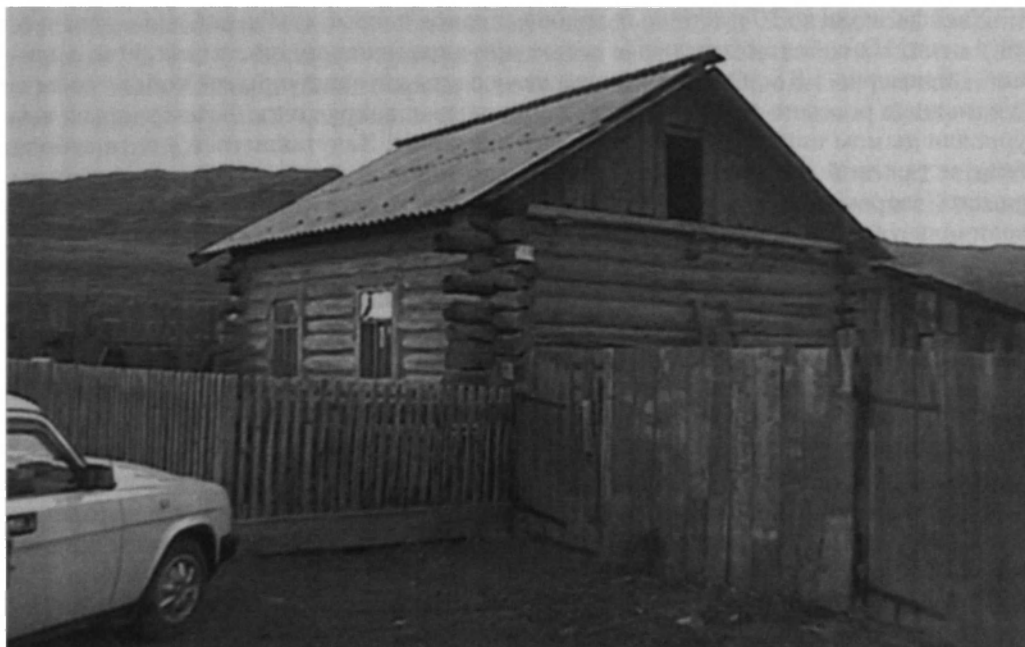
На маралов хакасы охотились у солонцов (*марачы*). Рядом на дереве устраивали лабаз (*пахта*), на котором ночью караулили зверей. Иногда делали ловушку (*хаза*). Для этого естественный солонец по кругу огораживали высоким частоколом. Входную дверь настораживали на чеку. Марал приходил на знакомый солонец, проникал через дверь внутрь, но чека срабатывала и захлопывала дверь ловушки. Таким способом ловили маралов для срезания пантов (*сыын мүүз!*). Целебные панты очень ценились китайскими купцами. Для сохранности их отваривали в соленой воде вместе с баданом.

Осенью, когда у маралов шел гон, охотились с помощью горна (*пыргы*). Звуки его подражали призывам самцов на поединок. Трубили в пыргы в сумерках, вечером и на рассвете, чтобы бегущий зверь не разобрался в ситуации. После удачной охоты звероловы, приближаясь к аалу, победно трубили в пыргы. Женщины и дети, услышав эти звуки, с радостью выбегали их встречать.

В Саянских горах водилась кабарга. Охотились на нее при помощи специаль-

Охотник-сагаец на зове маралов с горном *пыргы* в руке. Фото Н.В. Федорова. 1912. Из коллекции Музея им. Н.М. Мартьянова (г. Минусинск)

Жилой дом в д. Верх-База. Фото Д.А. Функа, 2003 г.

ной ловушки – *тис*. По гребням гор, где были переходы кабарги, делались длинные загороди. В них оставляли узкие проходы, где ставились волосяные петли (*хыл*). Кабарга, пробежала вдоль загороди и, устремившись в проход, попадала головой в петлю. Ловили ее из-за дорогостоящей мускусной железы (*хайыр*) самцов. Мускус очень ценился китайцами, тибетцами и другими народами Центральной Азии как прекрасное лекарство. Еще в раннем средневековье восточные путешественники знали, что лучший в мире мускус добывался в стране кыргызов.

На медведя охотились в январе, когда он крепко спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тамгой. По хакасским законам другой человек не имел права занимать меченое место. Охота на медведя сопровождалась сложными обрядами. Хакасы считали его братом человека. В силу религиозных запретов медведя нельзя было прямо называть “аба”, т.е. медведь. Говорили иносказательно: “апчак” – старик, “аган” – дедушка, “хайрахан” – господин, “тир тон” – потная шуба и т.д., ибо боялись прогневить его своим неуважением.

Группа охотников отправлялась к найденному месту. Каждый из них занимал установленную позицию. Один охотник засовывал в отверстие берлоги небольшое ветвистое дерево “сыгдаган” и будил им зверя. Разбуженный зверь в ярости тянул на себя просунутую лесину “сыгдаган” и появлялся у загороженного входа берлоги. В этот момент ему стреляли в голову. Убитого медведя свеживали на месте. Череп вешали на дерево. Ночью устраивали поминки “аба тойы”, т.е. медвежий праздник. По убитому медведю нарочно плакали и причитали со словами: “абам ёлд!”, т.е. умер наш отец. Всю ночь не спали и рассказывали сказки под струны чатхана или хомыса (*Бутанаев, 2000. С. 65–68*).

В степной части Хакасии существовала облавная форма охоты (*аб*)*. Ее участниками становились все жители аала. В связи с этим бытовала пословица: “Аал –

* Наиболее ярко ее описание в XVIII в. было оставлено нам Г.Ф. Миллером: “У татар в Красноярском уезде на Июсе и Абакане и сагайских и бельтирских татар это делается так. Они собираются по 300–400 человек, среди них так же женщины и дети, все верхом. Сначала они образуют линию, в которой один

күнн!н абы п!р, аал-хончыхтын хобы п!р” (“У аальной общины единая облавная охота, у соседей – единые сплетни”).

Охота была суровым и нелегким трудом. Недаром хакасы говорили: “Силы женщины забирают дети, силы мужчин забирает тайга”.

Зарождение плужного земледелия со сложными ирригационными системами относится к периоду Кыргызского каганата. После монгольского завоевания произошло упадок земледельческой культуры. К времени присоединения Хакасии к России земледелие сохранилось только в подтаежных районах и было подсечно-мотыжного типа.

В целом хакасы вели традиционное хозяйство с локальными особенностями у каждой этнографической группы.

В результате перехода большей части населения к оседлому образу жизни (к 1890 г. – более 80% хозяйств) изменилась структура стада, повсеместно появились стационарные жилища. Под влиянием русских крестьян развилось плужное земледелие, огородничество, сенокосение. Государственный рынок полностью вытеснил мелкое металлургическое производство и гончарство. Однако продолжали сохраняться многие традиционные черты натурального хозяйства.

человек находится от другого на расстоянии 100 сажень. Затем оба крыла постепенно сближаются, а так как вся линия всадников непрерывно движется вперед, то получается круг. Старшина охоты, избираемый всей охотящейся группой, едет вперед посредине. Ему подчинены еще два старших охотника, которые командуют (правым и левым) крыльями. У него имеется еще несколько подручных, которых он рассылает туда и сюда, если замечает какой-либо беспорядок. Как только оба крыла сомкнутся, со всех сторон поднимается громкий охотничий крик, тогда дичь начинает сбегаться, но со всех сторон возвращается назад и наконец сильно утомляется. Старшина охоты, с несколькими хорошими стрелками, находится в середине круга, и они все время бьют дичь. Если же какое-либо животное попытается прорваться, то оно наталкивается опять на вооруженных людей, и его тут же убивают, ибо люди расставлены друг от друга на небольшом расстоянии, но достаточном для полета стрелы, чтобы поразить зверя. Если же зверь попадает в такое место, где стоят женщины и дети, то ему обычно удается ускользнуть, ибо они не вооружены и нужны лишь для того, чтобы круг был шире, а крик громче. Бывает однако и так, что животное уходит из круга, но за ним гонится какой-либо хороший стрелок, догоняет его и убивает, так как от непрерывной беготни в круге животное очень устает. Иногда удается убить в одном таком круге до 100 штук дичи, ибо олени и козули ходят стадами, по 50 и больше животных. Но иногда охотники и ничего не добывают. Тогда они сразу же идут дальше в другое место. Иногда они делают два круга в один день, иногда только один. При одном круге они идут вперед до 10 верст, прежде чем круг сомкнется. Вся убитая дичь сносится в одно место и делится поровну между всеми. Это иногда продолжается непрерывно 3–4 недели” (цит. по: *Потанов, 1957. С. 185–186*). – *Примеч. отв. ред.*